

9. Лук, история [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.inqui.ru/2013/01/onion.html/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
10. *Amherst, A.* A History of Gardening in England / A. Amherst. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 420 p.
11. *Harper, D.* Online Etymology Dictionary / D. Harper [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.etymonline.com/>. – Date of access : 20.05.2016.

The article deals with the contrastive analysis of origin of names for edible fruits, vegetables and herbs in Russian and English. It is argued that similar correlated names in two genetically distantly related languages make up the minor part of the lexical group, and are determined either by the common origin or common source of recent borrowings. Differences in the lexical group under study characteristic of the major part of the correlated names, are caused by their evolutionary lexical-semantic divergence, by peculiarities of name-derivation processes in each of the considered languages or by different sources or ways of early borrowings.

Е. Г. Лукашанец

ДВУПОЛЮСНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО АРГО

Словообразовательной системе арго в силу ее вторичности по отношению к системе деривации литературного языка свойственна двухполюсность, которая выражается в разных противопоставлениях: а) высокопродуктивного ядра – непродуктивной периферии, формируемой арготическими аффиксами (в основном в сфере неноминативной модификации); б) внутриарготических и внеарготических мотивированных (что связано с двумя основными функциями арго: профессиональной и экспрессивной); в) мутационных типов суффиксального словообразования существительных, отражающих профессиональную направленность лексики арго, – словообразовательным типам как явлениям в большей степени экспрессивного характера.

Этноязык представляет собой систему систем (вернее, систему подсистем, субкодов), варьируясь в разных отношениях. Одной из форм существования языка, подсистемой национального языка считаются социальные диалекты – *социолекты*. Под социолектом мы понимаем лексическую подсистему данного этноязыка, маркированную социально – как часть языкового репертуара данной социальной группы.

Одна из наиболее важных системных характеристик социолекта – его вторичность как знаковой системы по отношению к первичной, «материнской» системе – литературному языку, территориальному диалекту, народно-разговорной речи. Вторичность заложена в самом существовании

социолекта, без нее социолект не смог бы возникнуть и существовать. В качестве первичной речевой системы для многих современных социолектов выступает литературный язык (ЛЯ).

Главными линиями взаимодействия социолекта и ЛЯ, а следовательно, и основными проявлениями знаковой вторичности любого социолекта, можно считать две противоположно направленные тенденции: *отталкивание* и *притягивание* (*аттракцию*). Так, а т т р а к ц и я – это сила центростремительная, заставляющая элементы системы социолекта «притягиваться» к единицам первичной системы. В самом широком смысле притягивание состоит в *использовании* материала первичной подсистемы для построения единиц вторичной. Таким материалом являются слова, выражения ЛЯ, служащие базой для мотивированных слов в социолектах, его аффиксы и словообразовательные модели, а также, безусловно, семантика слов ЛЯ.

В противоположность притягиванию *отталкивание* как своего рода центробежная сила может быть рассмотрено, прежде всего, как основная причина возникновения самой системы социолекта: первые социолекты появились в результате желания говорящих засекретить свою речь, сделать ее непонятной для других. Отталкивание криминального арго от литературного языка имеет своим результатом такие свойства системы словообразования арго, как *высокая степень диффузности, редуцированность, двуполосный характер*. Все эти свойства, отличая деривацию арго от деривации в литературном языке¹, обусловлены спецификой современного арго как подсистемы русского языка, его двоякой функцией, отражением в нем особого мировосприятия его носителей. Однако в данной статье, в силу небольшого ее объема, мы остановимся только на двуполосности деривационной системы арго. В основу материала исследования легли данные свыше 20 словарей русского криминального арго второй половины XX в., из которых было выделено 7 661 мотивированных лексем².

Двуполосность выражается в разных противопоставлениях. Прежде всего для деривации в арго характерно противопоставление высокопродуктивного ядра (небольшого числа очень продуктивных средств, см. выше) – непродуктивной периферии (значительному числу крайне непродуктивных средств, в частности унификсов), формируемой в большей степени собственно арготическими средствами – арготическими аффиксами.

---

¹ Деривация в литературном языке была нами проанализирована по Русской грамматике 1980 года [1].

² Основные источники материала – словари [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Так, из 375 суффиксов¹, используемых при образовании суффиксальных существительных в арго, более половины (223, т. е. 59 %) принадлежат собственно системе арго, доля мотивированных существительных, образованных с помощью арготических суффиксов, равна 12 % (389 из 3 123). При этом доля арготических суффиксов, участвующих в создании существительных разных семантических сфер, неодинакова. Так, в транспозиции доля арготических аффиксов равна всего 19 % (11 из 58), в мутационном словообразовании – 45 (158 из 348), в сфере номинативной модификации – 16 (6 из 37) и, наконец, в сфере неноминативной модификации – 50 % (100 из 199), см. рис. 1.

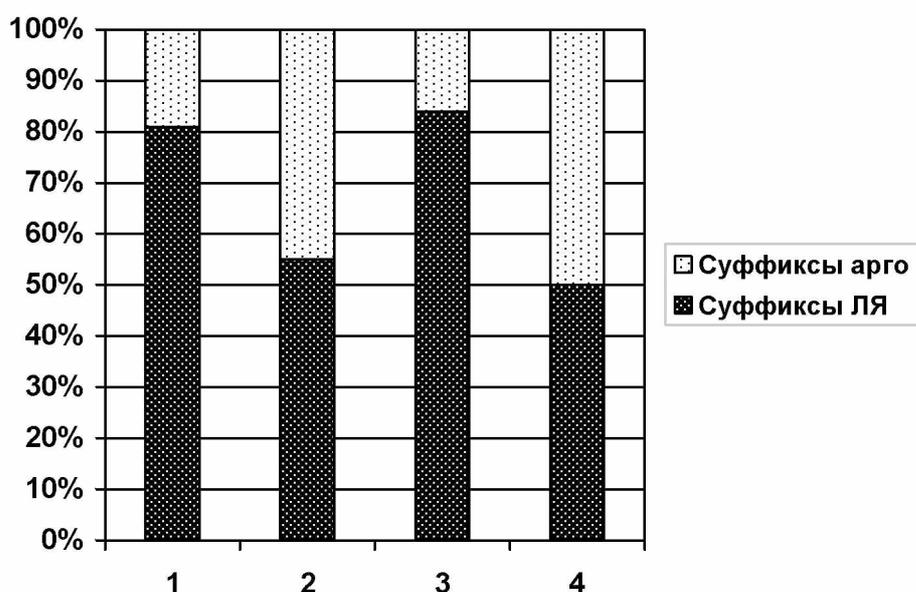

Рис. 1. Доля суффиксов ЛЯ и арго, используемых в словообразовании арготических существительных

Если судить по этому параметру, степень использования собственно арготических средств, а следовательно – и степень отталкивания, выше всего в неноминативной модификации, меньше – в мутации и крайне мала – в номинативной модификации и транспозиции.

Двуполюсность суффиксального образования в арго выражена в большей степени у глаголов, чем у существительных (продуктивность суффиксов литературного языка у глаголов в среднем в 27 раз выше, чем продуктивность суффиксов арго, в то время как у существительных этот показатель равен лишь 10).

Фонемная структура арготических суффиксов позволяет выделить среди них так называемые суффиксы-модификаты (те, которые можно рассматривать как варианты суффиксов ЛЯ). Например, в отглагольном

¹ В данном случае объединяются все омонимичные суффиксы.

транспозиционном словообразовании в арго используются различные варианты суффиксов *-ни(e)*, *-к(a)*, *-ок* с соответствующими значениями: *-вани(e)*: *вливать* ‘внушить’ → *вливание* ‘выговор’; *-орк(a)*: *стопать* ‘командовать «Руки вверх!» при ограблении’ → *стоерка* ‘ограбление’; *-ырк(a)*: *стопать* ‘командовать «Руки вверх!» при ограблении’ → *стопырка* ‘ограбление’, *-ушок*: *вертеть* → *вертушок* ‘шулерский прием’.

Сравнение суффиксов-модификатов (суффиксальных морфов) в ЛЯ и арго показало, что арго обладает гораздо более ярко выраженной способностью к варьированию морфов, чем ЛЯ. К примеру, *-к(a)* в литературном языке, по нашим подсчетам, имеет 21 вариант (*-авк(a)*, *-анк(a)*, *-ачк(a)*, *-ашк(a)*, *-ейк(a)*, *-ерк(a)*, *-етк(a)*, *-ечк(a)*, *-инк(a)*, *-ичк(a)*, *-ишк(a)*, *-овк(a)*, *-ожк(a)*, *-онк(a)*, *-отк(a)*, *-очк(a)*, *-ошк(a)*, *-урк(a)*, *-утк(a)*, *-ушк(a)*, *-ышка*)¹, а в арго – 31. Суффикс *-ник* в ЛЯ имеет только 5 морфов, а в арго – 26, суффикс *-щик* в ЛЯ имеет 2 морфа, а в арго – 9 и т. п.

Как показывает исследованный материал, наиболее распространенным типом суффикса-модификата является следующий: $\Gamma + C + \Delta$, где $\Gamma + C$ – сочетание соответственно гласной и согласной фонем, представляющее собой так называемое *наращение* суффикса, а Δ – основной суффикс.

Появление наращений у суффиксов в арго в целом объясняется теми же причинами, что и в ЛЯ, а именно тенденцией к большей формальной выразительности значащей единицы, а также необходимостью приспособления основы к присоединению суффикса. Но хотя экспрессивность арго выше, чем ЛЯ, это скорее лишь внешний фактор, способствующий наращению суффикса, некий «фон варибельности», существующий в самой системе русского языка.

Есть и другая причина возникновения суффиксов-модификатов, обусловленная спецификой арго как вторичной подсистемы этноязыка.

Русское арго деклассированных в немалой степени явилось преемником и наследником восточнославянских условных языков бродячих ремесленников, торговцев, нищих [9, с. 124]. В условных языках существовал особый способ образования слов, называемый фонетико-морфологическим способом [10] или фонетической аффиксацией [11; 12]. Суть этого явления – в прибавлении к основам слов «искажающих» (термин В. М. Жирмунского) маскировочных аффиксов, не имеющих значения, или, по мнению некоторых, имеющих «семантику затаености», а впоследствии, возможно, и эмоционально-экспрессивных по своему коннотативному значению [10, с. 31].

---

¹ Поскольку речь здесь идет о формальной стороне суффиксов, мы объединяем ряд омонимичных в ЛЯ суффиксов.

В большинстве случаев фонетические суффиксы условных языков состояли из гласного и согласного – так называемого опорного звука. В качестве опорных выступали чаще всего сонорные и фрикативные звуки: *гостимник* ‘гость’, *садомник* ‘сад’, *скупорный* ‘скупой’, *зубарик* ‘зуб’, *бегурать* ‘бегать’, *ягодошник* ‘ягода’, *утирмонник* ‘полотенце’ [11]. Видно, что такие фонетические суффиксы напоминают сложные морфы исследуемого арго, хотя и функционально отличаются от них.

Другая, меньшая группа арготических суффиксов не обнаруживает формального сходства с суффиксальными морфами ЛЯ. Основным фактором возникновения этих суффиксов является заимствование. Таковы итальянский суффикс *-елло* (*брат* → *брателло*), польский или чешский суффикс *-dl(o)*, ср. польск. *tydlo, prawidlo*, чешск. *vozidlo, držadlo* (*клюв* → *клювадло* ‘нос большого размера’, *сука* → *сукадла* ‘осведомитель’, *чува* → *чувадла* ‘грубый человек’, также *зависть* → *завыдло* ‘зависть’).

Другое выражение двуполюсности деривации арго – противопоставление внутриарготической и внеарготической мотивации.

Поскольку арго является вторичной по отношению к ЛЯ системой, слова в нем могут мотивироваться единицами двух лексических подсистем: либо другими социолектизмами, либо словами ЛЯ. В первом случае можно говорить о *внутриарготической* мотивации, во втором – о *внеарготической*. Создание двух этих типов арготизмов – результат проявления двух конкурирующих тенденций развития криминального арго. Первая тенденция – тенденция отталкивания – проявляется в возникновении внутриарготических мотивированных слов. Вторая – притягивания (аттракции) – имеет своим результатом внеарготическую мотивацию, т.е. создание арготизмов на базе литературных слов. Бóльшее число внутриарготических дериватов свидетельствует о превалировании тенденции к отталкиванию.

Внеарготические и внутриарготические мотивированные слова различаются и в семантическом отношении. Когда арготизм мотивируется словом ЛЯ, основа мотивирующего слова нередко получает переосмысление, используется в метафорическом значении: *бестолковка* ‘голова’, *брехаловка* ‘газета’, *верещалка* ‘свисток’, *вшивики* ‘деньги’, *гнидник* ‘белье нижнее’, *цикадыльник* ‘радиоприемник’. В ЛЯ такие слова относят к сфере ассоциативной мотивации, метафорическому словообразованию и т.п. В арго они принадлежат в основном к сфере мутации.

Другая группа внеарготических дериватов, напротив, полностью совпадает по значению со своими мотивирующими, так что единственная функция десемантизированного суффикса здесь – создание арготической номинации: *бедраж* ‘бедро’, *годяра* ‘год’, *гречуха* ‘гречка, гречневая каша’.

Эти асемантические дериваты представляют собой противоположный предыдущему тип. Если в словах первого типа вся экспрессия сосредоточивалась в корне, основе слова, а роль суффикса заключалась в том, чтобы выразить свойственное ему в ЛЯ мутационное значение (*гнидник* = то, что имеет отношение к гнидам, *брехаловка* = то, что «брешет», лжет), то в асемантических дериватах, напротив, корень, основа не маркированы – экспрессивны суффиксы, оформляющие арготизмы.

Наконец, третья группа внеарготических номинаций не выделяется экспрессией ни основы, ни суффикса. Это слова типа *балконщик* ‘вор, совершающий кражи путем проникновения через балкон’, *беспартийщик* ‘беспартийный’, *долгосрочник* ‘осужденный на длительный срок’, *долист* ‘сообщник, получающий долю’, *кошелешник* ‘вор, совершающий кражи путем подброшенного кошелька’. Эти мотивированные представляют собой, как правило, своеобразные «термины» криминальной жизни и имеют мутационные значения. Отметим, что первые две группы численно преобладают над последней.

Таким образом, в результате внеарготической деривации образуются достаточно разные по своей сути номинации, большая часть из которых обладает яркой экспрессией.

Во внутриарготической деривации, наоборот, основное место занимают криминальные «термины». Эти мотивированные по степени экспрессивности не отличаются от своих мотивирующих. Это значит, что в результате процесса деривации не происходит «прироста» экспрессивности. Так, на наш взгляд, одинаковой степенью экспрессивности, созданной изначальным семантическим переносом в мотивирующем слове, обладают *грузить* ‘сваливать вину на другого’ и образованное от него *грузчик* ‘вор, который берет на себя чужое преступление’, *резина* ‘автомобиль’ и его мотивированное *резинщик* ‘угонщик автотранспорта’, *зверь* ‘азиат’ и *звереныш* ‘ребенок-азиат’ и т.п. Одинаково экспрессивны заимствованные *фрайер* ‘неопытный человек’ и *шкары* ‘брюки’ и их мотивированные соответственно *фрайерша* ‘женщина, не принадлежащая к преступному миру’ и *шкарник* ‘карманы брюк’.

Другая группа внутриарготических арготизмов – это дериваты с асемантическими аффиксами. В отношении их также вряд ли можно говорить о «приращении» экспрессии, ср. *бич* и *бичина* ‘бродяга’, *птюха* и *птюшка* ‘кусочек хлеба’, *тахта* и *тахтарка* ‘пачка бумаги’.

Таким образом, внеарготическая деривация в целом более экспрессивна и более диффузна с семантической точки зрения, чем внутриарготическая, которая, напротив, связана с выполнением скорее номинативной, чем экспрессивной, функции словообразования.

Выделение внеарготической и внутриарготической деривации позволяет сравнить разные способы и сферы словообразования с точки зрения большей или меньшей степени отталкивания в них, их большей экспрессивности или, напротив, номинативности, «терминологичности».

В криминальном арго среди всех суффиксальных существительных обнаружилось 1 858 слов, созданных на базе других арготизмов. Таким образом, доля внутриарготических дериватов составила здесь 59 %, что в целом свидетельствует о достаточно высоком уровне проявления отталкивания в криминальном арго.

Соотношение внеарготических и внутриарготических дериватов различается по семантическим сферам суффиксации (таблица).

Доля внутриарготических мотивированных

Семантические сферы суффиксации	Число внутриарготических мотивированных	
	число	в % к общему числу мотивированных данной сферы
Транспозиция	209	73
Мутация	747	46
Номинативная модификация	148	91
Неноминативная модификация	754	72
Всего	1858	59

Как видно, доля внутриарготических мотивированных слов является наибольшей у номинативной модификации, что вполне объяснимо. Ведь образование названий лиц женского пола и детенышей, собирательных и единичных существительных в наибольшей степени регулярно, неэкспрессивно, «грамматично», появление метафорических дериватов, которые обычно характерны для внеарготических мотивированных, здесь маловероятно. На другом полюсе – мутация: в ней довольно большую роль играют метафорические дериваты, а доля внутриарготических дериватов наименьшая.

Таким образом, поскольку внеарготическая деривация с семантической точки зрения более экспрессивна и более диффузна, чем внутриарготическая, внеарготических мотивированных глаголов больше в тех сферах словообразования, которые менее «грамматичны», менее регулярны, более «лексичны», индивидуализированы. Таковым является также отыменное суффиксальное словообразование глаголов: здесь 21 % внеарготических мотивированных, в то время как в отглагольном – всего 15 %.

Нами также выявлено *третье проявление* дупольности – противопоставление мутационных типов суффиксального словообразования существительных, отражающих профессиональную направленность лексики арго, словообразовательным типам неноминативной модификации как явлениям в большей степени экспрессивного характера.

В суффиксальном образовании существительных ЛЯ насчитывается 590 суффиксальных типов, т.е. имеется 590 суффиксальных морфов. У существительных арго нами выявлено 642 суффиксальных морфа. Эти суффиксальные типы неравномерно распределены по четырем семантическим сферам суффиксации в ЛЯ и в арго (рис. 2).

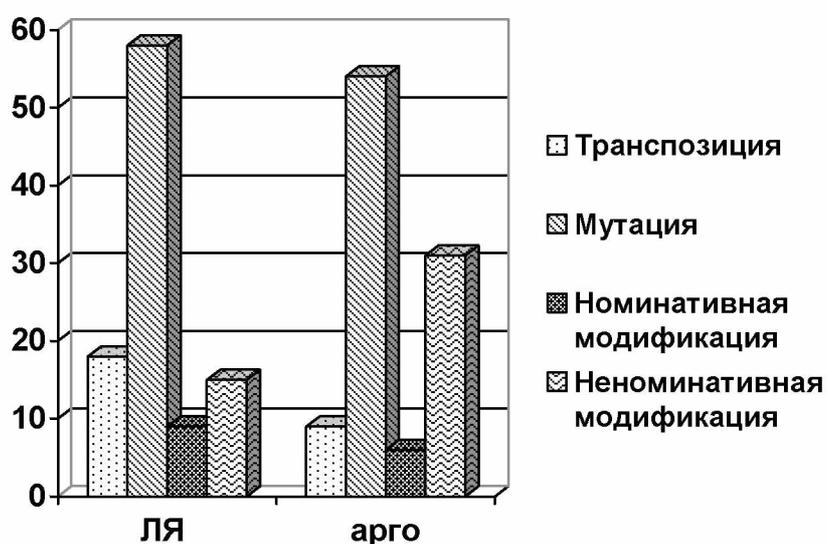

Рис. 2. Распределение суффиксальных типов по семантическим сферам суффиксации

На диаграмме отчетливо видна *дупольность* словообразовательной системы арго. С одной стороны, достаточно развито мутационное словообразование. В мутационных словообразовательных типах проявляется *профессиональная* направленность арготического словообразования. Эта сфера объединяет образование названий лиц (например, типов преступников или заключенных, работников правоохранительных органов и т.д.), предметов (в основном необходимых для преступных действий или важных для жизни в местах заключения) и т.п. Сфера неноминативной модификации, которая в арго представлена примерно в два раза большим процентом наименований, отражает *экспрессивную* составляющую арго. Наиболее упорядоченные, регулярные, «грамматичные» сферы словообразования – транспозиция и номинативная модификация – в арго развиты гораздо в меньшей степени, чем в ЛЯ.

Наше исследование, в котором содержится характеристика деривации современного русского криминального арго, предоставляет также и методику изучения субстандартной деривации, что было бы полезным при рассмотрении словообразования других внелитературных подсистем, например территориальных диалектов. Интересным было бы сопоставление деривации в социолектах со словообразованием в диалектах, что помогло бы выявить как черты сходства, так и значительные различия этих двух систем. Такая работа, в свою очередь, могла бы увенчаться целостным описанием системы русского словообразования во всех разновидностях русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
2. Балдаев, Д. С. Словарь блатного воровского жаргона : в 2 т. / Д. С. Балдаев. – М. : Кампана, 1997. – 2 т.
3. Бурик, В. И. Жаргон преступников / В. И. Бурик, В. Г. Шелестюк. – Киев : НИИРИО, 1979. – 406 с.
4. Быков, В. Русская феня : словарь современного интержаргона асоциальных элементов / В. Быков. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – 222 с.
5. Грачев, М. А. Язык из мрака : блатная музыка и феня : словарь / М. А. Грачев. – Н. Новгород : «Флокс», 1992. – 207 с.
6. Словарь воровского языка : Выражения. Слова. Татуировки. Жесты. – [Б. м.] : НИЛПО, 1991. – 170 с.
7. Словарь жаргона, употребляемого преступным элементом / сост. А. Г. Бронников, Ю. Д. Федоров. – Пермь : НИИРИО, 1983. – 206 с.
8. Толковый словарь уголовных жаргонов / Ю. П. Дубягин [и др.] ; под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М. : Интер-ОМНИС ; РОМОС, 1991. – 207 с.
9. Жирмунский, В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Л. : Худож. лит., 1936. – 297 с.
10. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев / В. Д. Бондалетов ; под ред. и с предисл. Ф. П. Филина. – Рязань : Рязан. гос. пед. ин-т, 1974. – Вып. 1 : Условные языки как особый тип социальных диалектов. – 111 с.

11. *Лукашанец, А. Г.* Беларускія сацыялекты XIX стагоддзя : Выход тыпалагічнага апісання / А. Г. Лукашанец. – Мінск : Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-т, 1999. – 207 с.
12. *Лукашанец, А. Г.* Фанетычна матываваныя намінацыі ў сацыяльных дыялектах / А. Г. Лукашанец // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 1996. – №4. – С. 90–97.

The definite directions in bipolarity development of the argotic word-formation system have been determined. The opposition of the highly productive nucleus and the unproductive periphery, of intra-argotic and extra-argotic derivatives, of motivated jargon and expressive vocabulary have been revealed.

Е. И. Будникова

ЗНАЧИМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ (на материале имен существительных английского языка)

Статья посвящена выявлению организации семантических компонентов в структуре лексического значения с точки зрения их востребованности в разных условиях семантической экспликации: в лексикографических дефинициях слова, в его речевом употреблении и в значениях производных выражений разных типов. Установлены типы соотношения наиболее значимых семантических компонентов в указанных ракурсах объективации семантики ряда английских наименований животных, растений и лиц.

Как свидетельствует богатый опыт исследований в области лексической семантики, значение слова представляет собой целостную структуру, включающую совокупность взаимосвязанных семантических компонентов, которые, согласно общим принципам организации элементов в системе [1, с. 99], различаются своей ролью и местом, или значимостью, в данной структуре [2, с. 23–28; 3, р. 59; 4, с. 25–30; 5, с. 542–546; 6, с. 38; 7] и т.п. При этом, однако, если ведущее положение родового понятия (классифицирующего компонента, идентифицирующей семы, таксономического классификатора и т.д.), которое обуславливает принадлежность имени к определенному лексико-семантическому классу, не вызывает сомнений, то определить критерии структурирования других, дифференцирующих компонентов лексического значения является достаточно сложной задачей. Зачастую основаниями для определения места (значимости, центральности) того или иного семантического компонента в значении слова становятся